

— Ну, хорошо, хорошо. Будь осторожна, тетушка Ван завтра снова тебя навестит.

Проводив тетушку Ван, Су Фанму наказала Су Иньэ никуда не уходить, взяла корзинку и, заперев дверь, поспешила в сторону долины Чжунцзян.

Услышав, что шаги затихли, Су Иньэ тут же отставила миску с супом и подбежала к двери. Заглянув в щель и убедившись, что Су Фанму скрылась из виду, она тайком достала из-под кровати маленькую лестницу.

Девочка открыла окно, приставила лестницу к раме, подставила табурет и, взобравшись на него, начала спускаться. Но внизу её нога соскользнула, и она угодила прямо в объятия незнакомого мужчины.

Маленькая Иньэ, не ведающая опасностей этого мира, ничуть не испугалась. Она захлопала ресницами и звонко рассмеялась.

— А ты забавная девчушка, — мужчина, обнимая Су Иньэ, не сводил глаз с её фарфорового личика и улыбался совершенно безобидно. — Я только что видел, как одна девушка направилась отсюда к долине Чжунцзян. Тоже совсем молоденькая, это твоя сестра?

— Только не говори ей, я тайком сбежала, — Су Иньэ надула губки и прошептала по-детски: — Сестра всё время что-то мастерит и не хочет со мной играть. Ещё заставляет меня каллиграфией заниматься да ароматы изучать. Не хочу я учиться... Если она узнает, что я сбежала, то будет ругаться!

— Хорошо, это наш с тобой секрет. Малышка, хочешь леденец на палочке? — улыбка мужчины показалась какой-то неприятной.

— Ой! Ура, леденец!

Июль только начался, и даже в сумерках воздух оставался душным и влажным. Су Фанму старательно выискивала нужные цветы, не успевая вытирать пот со лба. Её тонкое желтое платье с короткими рукавами насквозь пропиталось влагой.

— Хе-хе, вот ты и попался, — Су Фанму сорвала последний нужный цветок, бросила его в корзинку, смахнула капли пота и, взглянув на солнце, которое вот-вот должно было скрыться за горой, радостно улыбнулась. Хорошо, что успела собрать всё до заката, а то потом и дорогу домой не нашла бы.

— Фанму! Ты здесь? Фанму! — это голос тетушки Ван!

— Тетушка Ван, я здесь! — Су Фанму изо всех сил замахала рукой.

— Фанму! — тетушка Ван, увидев её, даже не стала вытирать пот и бросилась навстречу. — Беда, Фанму, беда!

— Тетушка Ван, говорите медленнее, что случилось? — Су Фанму, будучи тринадцатилетним ребенком, перепугалась, увидев слезы на глазах женщины, но постаралась придать голосу спокойствие.

— Твоя сестра... Ох, Иньэ... Пропала! Пропала!

Су Фанму не помнила, как дошла до дома. Помнила лишь, как увидела пустую комнату и приставленную к окну лестницу. Она обессиленно рухнула перед недопитой, уже остывшей миской куриного супа и разрыдалась. Ведь ей самой было всего тринадцать, возраст нежной юности. Какой бы взрослой и рассудительной она ни казалась, в душе она была такой же девочкой, как те, что целыми днями бегают вокруг родителей и смеются.

Су Фанму сидела у окна с опухшими от слез глазами и машинально растирала золотистые лепестки. Мысли унесли её в те времена, когда она только училась делать румяна. Как же тогда было хорошо: вся семья рядом, юность не знает горестей. Не то чтобы она не проклинала судьбу за жестокость, не то чтобы не винила божественных владык за то, что те не защитили их. Но после того, как она наплакалась, глядя на перепуганную сестру и на стоящие на алтаре таблички родителей, она поняла: ничего не изменилось. Оказалось, что все те легенды о бессмертных, что исцеляют болезни, и о добрых духах, помогающих путникам, — лишь ложь. Никто не услышит беспомощный плач маленькой девочки.

Она стала сильной. С помощью тетушки Ван она наладила торговлю, с головой ушла в создание новых румян, училась заботиться о сестре... Она пережила самые тяжелые времена, но почему судьба так насмехается над ней? Почему, забрав родителей, она отняла и единственную сестру? По щеке Су Фанму скатилась слеза, ресница попала в глаз, но она словно не чувствовала боли, позволяя слезам течь бесконечно — то ли от режущей боли в глазах, то ли от отчаяния в сердце.

Алтарь Бэймина.

Глядя на то, как Чжимин уже две чашки чая не может сделать ход, Цзяньбин лишь вздохнул:

— С тобой играть — только время терять. В следующий раз иди к Мэнчжану.

Услышав упоминание о Божественном владыке Лазурном Драконе с Восточного моря, Чжимин вздрогнул. Этот Лазурный Дракон... Ох, нет, нельзя об этом думать! Прокрутив эту мысль в голове сотни раз, он наконец вернулся к партии. Перебирая черные камни, он снова начал размышлять:

— Нет... Цзяньбин, посмотри, если я схожу сюда, ты обязательно сходишь сюда, и тогда все

мои камни погибнут. А если сюда... тоже не то, так нельзя... Ох, что же делать... — Помучившись, он наконец решился и, словно отсекая руку, поставил камень: — Давай всё же сюда.

Как только камень коснулся доски, из глубин бездонных вод раздался жалобный крик феникса.

— Ой, это голос Лингуан! Пойду гляну, — мягко произнес Божественный владыка Чжимин и изящным жестом коснулся водной глади. В зеркале отразился храм, охваченный бурей. — Этот Чжунянь... он призвал Фэй! Поистине, его злобную натуру не исправить, — покачивая головой, Чжимин указал на одноглазого змеехвостого зверя в потоках дождя. — Хм, вот этот с одним глазом — Фэй, а с девятью хвостами — Девятихвостая лиса. Погоди, а что это за зверь такой сине-черный, на одной ноге? — Чжимин нахмурился, впав в задумчивость: — Удивительно, я столько лет был в затворе, что появились звери, которых я не знаю... Эй, Цзяньбин, почему не ходишь? Твоя очередь... Эй? Где он?

Божественный владыка, обнимавший водное зеркало в глубинах Бэймина, с удивлением обнаружил, что его противника и след простыл.

— Эй? Когда он успел уйти?

Цишань.

— Что, Божественный владыка, не справляешься? — Чжунянь разразился диким смехом. Сегодня он отомстит за все прошлые унижения!

Лингуан, лежавшая на Террасе Встречи Феникса в окровавленном одеянии, стиснув зубы, пыталась магией залечить тяжелые раны. Даже на пороге смерти Божественный владыка Цишаня не желала выглядеть жалкой перед врагом. Она хотела сохранить достоинство древнего духовного зверя до самого конца. Раньше, стоя на этой террасе, она принимала поклоны божеств, купаясь в лучах славы. Теперь же, в разгар бури, она лежала здесь в полном одиночестве, чувствуя лишь беспомощность и холод.

Стерев кровь с губ, она гордо усмехнулась Чжуняню:

— Хм, жалкие трюки. Похоже, ты не так уж силен, господин.

Чжунянь был в ярости. Почему? Почему она до сих пор так улыбается?! Тысячу лет назад, когда она прижала его к горе Сяоцы, она улыбалась точно так же — с тем же высокомерием и презрением. Тогда он был повержен и ничего не мог сделать. Но почему сегодня, когда он окончательно разбил эту гордую феникса, она всё ещё так улыбается? словно сколько бы тысяч лет ни проходило, проигравшим всегда остается он!

Он не смирится! Медно-красная цепь в его руках задрожала в неистовом танце.

— Похоже, ты долго не выдержишься. У горы Сяоцы я поклялся: если выберусь, то заставлю тебя вкусить горечь тьмы, в которой я томился! — собрав силы для решающего удара, он замахнулся цепью на беззащитную Лингуан.

— Грохот! — в небе сверкнула ослепительная вспышка, и раздался раскат грома, сопровождаемый тигриным рыком, исполненным величия. Этот звук в одно мгновение разбил летящую цепь. Осколки металла, как слепые, вонзились в окружающих демонических зверей, и воздух наполнился воплями.

— Я-то думал, какое великое зло явилось в мир, а это всего лишь кучка гадов, — раздался спокойный голос. На облаке, скрестив руки за спиной, стоял Божественный владыка Цзяньбин в серебряных доспехах. Его белый плащ развевался на ветру, а за спиной безмолвно застыли сто тысяч небесных воинов, излучая ослепительное божественное сияние.

— Лингуан, ты стала сильнее.

Не удостоив демонов даже взглядом, Цзяньбин спустилась на Террасу Встречи Феникса и встала перед Лингуан. Казалось, одного её присутствия достаточно, чтобы сдержать любую ярость.

Увидев, что это Цзяньбин, Лингуан наконец выдохнула. Она боялась, что придет Мэнчжан... Впрочем, хорошо, что Цзяньбин. Божественный владыка, забыв о гордости, поползла к ней, жалобно причитая:

— А-а-а! Цзяньбин! Почему ты так долго?! Меня чуть не убили! — от её бывшего величия не осталось и следа.

Цзяньбин дернула глазом:

— Болтушка!

— Громовой рык тигра, Божественный владыка Цзяньбин? — Чжуянь замер.

В небе снова прогремел гром.

Главный небесный военачальник закричал:

— Дерзость! Как ты смеешь произносить имя Божественного владыки? Сдавайся!

Чжуянь повернулся к нему и презрительно усмехнулся:

— Сдаться? Ха-ха-ха! С чего бы? Из-за ваших ста тысяч креветок и крабов или из-за вашего Божественного владыки Цзяньбин?

Девятихвостая лиса захихикала тонким, как у младенца, голосом:

— Хи-хи, какие-то сто тысяч... Нам они не страшны!

Цзяньбин помрачнела, холодно наблюдая за тем, как лиса сплетает заклинание призыва.

— Тысячи превращений, следование воле... Беды и напасти, придите! — как только лиса закончила заклинание, дождь усилился, ветер стал яростнее, а топот приближающихся зверей стал оглушительным — мощь их была подобна наводнению.

Военачальник изменился в лице:

— О нет, это демоническая армия! Владыка, этот изверг призвал демонов! Что теперь...

Он не успел договорить, как ослепительный белый свет прорезал небо, превратившись в серебряное копьё, которое легло в руку Цзяньбин.

— В бой!

Отдав приказ, Цзяньбин не стала больше медлить. С копьём в руках она бросилась в самую гущу дождя. Лингуан прищурилась, видя лишь мелькающий в тумане белый плащ.

— Зачем ты полезла?! — в сердцах бросила Цзяньбин, увидев Лингуан, обернувшуюся фениксом.

Лингуан не могла ответить. Она из последних сил взмахивала крыльями, словно клинками, отбивая атаки, направленные на Цзяньбин, и прикрывая её собой. Они знали друг друга с незапамятных времен и всегда сражались плечом к плечу. Она знала все слабые места в стиле Цзяньбин, и была готова отдать жизнь, чтобы защитить её. Это чувство было выше любви, оно было жарче огня.

Чжуянь, пользуясь хитростью демонов, временно захватил инициативу. Одним ударом он разбил натиск Цзяньбин и с безумием в глазах закричал:

— Ха-ха-ха! Божественный владыка Цзяньбин, ты слишком долго сидела на троне и забыла, каково это — сражаться! Сегодня я уничтожу небо и богов, пусть ваши души рассеются здесь! Ха-ха-ха! — с этими словами он ударом сбил Лингуан со скалы, продолжая неистово хохотать.

— Лингуан! — Цзяньбин замерла, вскрикнув от ужаса. Не обращая внимания на смех Чжуяня, она обернулась истинным обликом и бросилась вниз. Она едва успела подхватить падающую Лингуан, призвала облако и осторожно уложила её. Взглянув на раны подруги, она почувствовала, как к горлу подкатил ком, и дрожащим голосом позвала: — Лингуан!

Лингуан всегда была окружена заботой небесных дев, словно нежный цветок. Даже во время

войны тысячи лет назад друзья берегли её. Такая драгоценная, как она могла получить такие раны? Кто посмел причинить ей такую боль?

Цзяньбин, чувствуя её страдания, мягко произнесла имя, которым называла её только наедине:

— Чанли, как ты?

Лингуан:

— ...Я... я больше не могу... Потеряла бдительность и не думала, что потяну тебя за собой... — она нахмурилась, понимая, что жизненная энергия угасает. Похоже, этот бой повредил её истинную сущность.

— Ты! Какая же ты... упрямая, — Цзяньбин стиснула зубы, стараясь сдержать слезы.

— Ситуация складывается не в нашу пользу... — Лингуан медленно закрыла глаза, а затем резко открыла их. В её длинных фениксовых глазах вместо прежней нежности проступила решимость. — Похоже, придется...

<http://bllate.org/book/19783/1949574>